

Бесчисленные силы
Под предводительством моим дерзнули
Оспорить власть, от века
Неоспоримую, и ринулись на битву,
Колебля трон Создателя, просторы
Небесные, устои мироздания.
Исход той битвы — сомнителен.
Мы проиграли? Нет!
В нас не угасли воля, жажда мести,
И, вкупе с мужеством,
В сердцах живет надежда,
Которую врагу не одолеть.
А если так, то впереди — победа!

Дж. Мильтон «Потерянный рай»

Глава 1

Наконец-то наступил вечер. За окном на улице зажглись огни. Неровный свет вывески соседнего ресторана замигал, задергался ярко-красными вспышками. Но в комнату Джима Нолана слепящий свет вывески проникал лишь нежно-розовым отсветом. Вот уже два часа Джим сидел неподвижно в тесном и жестком кресле-качалке, задрал ноги на белое покрывало кровати. Теперь, когда окончательно стемнело, он спустил на пол затекшие ноги и похлопал по ним. Выждав секунду, пока не прошло покалывание в икрах, он встал и потянулся к выключателю лампы без абажура. Зажегшийся свет осветил его номер в меблированных комнатах: просторную чистую постель под безупречно белым, как мел, покрывалом, бюро из золотистого дуба, тщательно вычищенный потертый до бурых проплешин красный ковер.

Подойдя к раковине в углу, Джим вымыл руки, мокрыми пальцами взъерошил волосы. На секунду он задержал взгляд на своем отражении в зеркале над раковиной. Из зеркала на него пристально глядели небольшие серые глаза. Достав из внутреннего кармана пиджака прицепленную там расческу, Джим расчесал на косой пробор прямые каштановые волосы. На нем был темный костюм и серая фланелевая рубашка с открытым воротом. Обсушив полотенцем тонкий обмылок, он кинул его в стоявший на кровати наготове бу-

мажный пакет. Внутри уже лежали бритва «жилетт», четыре пары новых носков и сменная рубашка — такая же серая фланелевая. Обежав взглядом комнату, он зашипел горловину пакета, в последний раз глянул в зеркало, после чего погасил свет и вышел. Спустившись по узким, ничем не покрытым ступеням лестницы, он стукнул в дверь у входа. Дверь приоткрылась. В щели показалась женщина. Признав Джима, она открыла дверь пошире — крупная плотная женщина с темной родинкой у рта.

Женщина улыбалась Джиму.

— Мистер Но-о-лан... — протянула она.

— Я уезжаю, — сказал Джим.

— Но вы же вернетесь... Хотите, я оставлю номер за вами?

— Нет. Я уезжаю совсем. Меня письмом вызвали.

— Сюда никаких писем для вас не было, — возразила женщина с некоторым подозрением.

— Письмо пришло мне на работу. Возвращаться я не буду, а заплатил за неделю вперед.

Улыбка слиняла с лица женщины. Приветливое выражение медленно сменялось негодующим.

— Вы должны были предупредить меня за неделю. Таковы правила, — резко бросила она. — А теперь я не отдам аванс, потому что вы поступили не по правилам.

— Знаю, знаю, — успокоил ее Джим. — Все в порядке. Я не возражаю. Просто я не знал, как долго здесь пробуду.

Улыбка вновь засияла на лице хозяйки.

— Вы были хорошим постояльцем, — сказала она. — Жили пусть и недолго, зато тихо — не шумели, не скандалили. Случится вам опять в наши края заехать, отправляйтесь прямиком ко мне. Уж я для вас местечко найду. Какой корабль в порт ни приди, у меня все моряки останавливаются. Помнят, что здесь

им всегда приют отыщется, а в другие места им даже и смысла заглядывать нет.

— Буду помнить и я, миссис Меер. Ключ я в двери оставил.

— Свет выключили?

— Да.

— Ну, хорошо. До утра подыматься к вам не стану. Может, зайдете, перекусим?

— Нет, спасибо. Мне пора.

Хозяйка прищурилась с видом хитроватым и проницательным.

— Может, у вас неприятности какие? Я ведь и тут помочь могу.

— Нет, — отвечал Джим. — Никто меня не преследует. Работу новую нашел, вот и все. Ну, доброй вам ночи, миссис Меер.

Она протянула ему испещренную старческими пятнами кисть, и Джим, переложив пакет в другую руку, пожал эту кисть, на секунду ощутив, как податлива под его пальцами ее мягкая плоть.

— Так что не забудьте, — сказала она, — комната для вас у меня всегда найдется. Я уж привыкла, что постояльцы возвращаются ко мне. И моряки, и коммивояжеры там всякие так и тянутся вереницей год за годом.

— Буду помнить. Спокойной ночи.

Он вышел через парадную дверь, спустился по бетонным ступеням крыльца, а она все смотрела ему вслед.

Дойдя до перекрестка, он взглянул на циферблат часов в витрине ювелира. Семь тридцать. Торопливо шагая в восточном направлении, он миновал район универмагов и специализированных магазинов, а затем и кварталы оптовой торговли, сейчас, в вечернее время, тихие и пустынные: узкие улочки безлюдны,

ворота пакгаузов заперты и перегорожены деревянными перекладинами и железными решетками. Наконец он достиг цели — старинной улицы с кирпичными домами в три этажа: на нижних размещались закладные конторы, ломбарды и лавки подержанного хозяйственного инвентаря, верхние же облюбовали адвокаты-неудачники и прогоревшие дантисты со своими приемными. Джим торкался то в одну, то в другую подворотню, пока не отыскал нужный номер. Подъезд был плохо освещен, ступени выщербленной, истертой множеством резиновых подошв лестницы обрамлены полосами меди. На самой верхней площадке теплился тусклый свет, но в конце длинного коридора освещена была лишь одна дверь. Джим направился туда и, увидев на матовом стекле цифру «шестнадцать», постучал.

Послышалось резкое «войдите».

Открыв дверь, Джим шагнул в маленькую, скудно обставленную комнатенку: всего лишь письменный стол, металлический шкаф с картотекой, раскладушка и два стула с прямой спинкой. На столе электрическая плитка, а на ней кипит, булькает и пускает пар кофе в жестяном кофейнике. Человек за столом, строго взглянув на вошедшего, сверился с лежавшей перед ним карточкой.

— Джим Нолан? — осведомился он.

— Да.

Джим разглядывал его. Невысокого роста, в аккуратном темном костюме. Темные густые волосы зачесаны с макушки и свисают так, чтобы скрыть белый в полдюйма толщиной шрам над правым ухом. Черные зоркие глаза мужчины нервно бегают, взгляд мечется от Джима к карточке на столе, оттуда к будильнику, а от него обратно к Джиму. Нос мясистый, толстый у переносицы и тонкий у кончика. Губы, от природы, возможно, полные и мягкие, привычным упрямым

сжатием вытянуты в ниточку. Хотя лет ему и не могло быть больше сорока, необходимость вечно противостоять атакам исполосовала лицо мужчины морщинами. Руки, столь же нервные, как и глаза, с широкими ладонями, большие, казались несоразмерными росту и постоянно двигались над столом. Длинные, с плоскими толстыми ногтями, чуткие, как у слепого, пальцы то щупали бумаги на столе, то гладили его край, то перебирали пуговицы на куртке мужчины — одну за другой. Затем правая рука потянулась к плитке и выдернула шнур из розетки.

Тихонько прикрыв за собой дверь, Джим приблизился к столу.

— Мне велено прийти сюда, — сказал он.

Внезапно мужчина вскочил и через стол протянул ему руку.

— Я Гарри Нилсон. У меня твое заявление. — Джим пожал мужчине руку. — Присаживайся, Джим!

Нервно изменчивый голос звучал теперь мягко, но мягкость эта, видимо, требовала определенных усилий и давалась мужчине нелегко.

Взяв себе второй стул, Джим сел напротив. Выдвинув ящик стола, Гарри достал оттуда початую банку молока, дырки в которой были заткнуты спичками, плошку с сахаром и две толстые кружки.

— Кофе будешь?

— Конечно, — отозвался Джим.

Нилсон разлил по кружкам черный кофе и сказал:

— Я должен объяснить тебе, как мы с заявлениями работаем. Твоя карточка с заявлением о приеме поступила в членский комитет, и моя задача — побеседовать с тобой и написать доклад-представление. Комитет обсудит мой доклад, и все проголосуем. Так что если я стану лезть к тебе в печенки с вопросами, то это только потому, что так положено.

Он подлил молока себе в кружку и поднял взгляд. В глазах его мелькнула смешинка.

— Ну, ясное дело, — сказал Джим. — Да я и знаю уже, слышал, что попасть к вам не проще, чем в «Юнион-Лиг-клуб»*. Отбор строгий.

— А как иначе, приходится! — Нилсон кивком указал Джиму на плошку с сахаром и неожиданно задал вопрос: — А почему ты в партию вступить хочешь?

Джим помешал свой кофе и поморщился в желании, сосредоточившись, дать точный ответ, затем потупился, разглядывая колени.

— Ну... Я мог бы назвать тебе массу мелких причин, но главная — это то, что всю семью мою стубила система эта чертова! Старика моего, отца то есть, столько били и колошматили во всех этих стачках, столько травм он получил, что совсем озверел. Говорил, что с удовольствием взорвал бы эту бойню, где работал: заложил бы динамиту, и все дела. Ему зарядом картечи в грудь перепало во время беспорядков.

— Постой-ка... — прервал его Нилсон. — Твой отец Рой Нолан, что ли?

— Ага. Три года как убили его.

— Боже ты мой... — пробормотал Нилсон, — так он же знаменитость был, опасный малый! Рассказывали,

* Сеть клубов «Юнион-Лиг» возникла в период Гражданской войны в Северных штатах. Устроителями были бизнесмены-республиканцы, ставившие целью поддержку администрации президента Линкольна, с тем чтобы оказывать на нее влияние. Впоследствии клубы продолжили деятельность в качестве организации единомышленников, осуществляющих контроль за политикой местных властей. Предполагаемые члены подвергались тщательной проверке: клуб объединял лишь тех, кто обладал подтвержденным финансовым, общественным и политическим весом. Этнические меньшинства и женщины в организацию не допускались вплоть до 1960-х годов.

что он пятерых копов голыми руками в одиночку уложить мог.

— Похоже, так и было, — осклабился Джим, — только что толку, если после такого стоило ему за порог выйти, а его там уже шестеро копов поджидают! И тут уж оттягиваются по полной! Он домой весь в крови возвращался. Придет, бывало, и сидит как куль на кухне возле плиты. Слова не вымолвит. Тут уж мы знали, что надо его в покое оставить, не приста- вать с расспросами, а не то заревет. Позже, когда ему мать раны врачевала, он стонал и скулил, как пес по- битый. — Джим помолчал. — Знаешь, он ведь забой- щиком работал, так на бойне кровь теплую пил, чтобы силы были.

Нилсон бросил на Джима быстрый взгляд и тут же отвел глаза. Помусолил карточку с заявлением — завернул уголок, потом разгладил ногтем большого пальца.

— Мать-то жива? — спросил он осторожно, мягко.

Джим прищурился:

— Месяц как померла. Я в тюрьме был. Тридцать суток за бродяжничество. Узнал, что мать при смерти. Отпустили домой с полицейским. Болезни ника- кой у нее вроде заметно не было, только не говорила она. Мать католичка была, но в церковь отец мой ее не пускал. Терпеть он не мог церковей этих. Я спро- сил ее, может, она священника позвать хочет, но она не ответила — глядит на меня и молчит. Под утро ча- сам к четырем померла. Внезапно как-то... Тихо... Ни с того ни с сего. На похороны я не пошел. Они бы раз- решили, да я сам не захотел. Думаю, ей просто жить на- доело, а в ад потом или нет, тоже уже все равно было.

Гарри встрепенулся, нервно бросил:

— Кофе-то пей! Хочешь, еще налью? Ты словно в полусне... Как у тебя с зависимостью?

— Ты про наркотики? Нет, не употребляю. Да и не пью я даже.

Взяв листок бумаги, Гарри сделал на нем какие-то пометки.

— Как случилось, что ты вдруг бродягой заделался?

— Я у Талмена в универмаге работал, — с азартом принялся объяснять Джим, — начальником упаковочного цеха. Раз вечером в кино пошел, а когда возвращался, вижу, на Линкольн-сквер толпа собралась. Остановился узнать, в чем дело. Посередке парень речь держит. Я на постамент памятника сенатору Моргану влез, чтобы разглядеть получше, и тут слышу — сирены завывли. Спецотряд по разгону митингов тут как тут. И за спиной у меня другой отряд, так меня из-за спины коп и ударил прямо в затылок! А когда я в себя пришел, выяснилось, что меня уже успели в бродяги записать. Я ведь не сразу понял, что к чему, так здорово меня оглоушили. Саданули прямо вот сюда... — Джим тронул затылок у основания черепа. — Я объяснял им, что никакой я не бродяга, что работа у меня есть, и попросил связаться с мистером Уэббом, управляющим у Талмена. Связались, Уэбб спросил, где меня взяли, сержант и скажи: «На митинге радикалов». Ну, и мистер Уэбб тут же и заявил, что знать меня не знает, даже имени моего не слышал никогда. Вот тут-то меня в тюрьму и замели.

Нилсон опять включил плитку. Вновь забулькал кофе в кофейнике.

— Ты как пьяный, Джим. Что с тобой происходит?

— Не знаю. Словно умерло во мне что-то. И прошлое отлетело. Я перед тем, как сюда прийти, из мебелишек выписался, ушел. А ведь у меня еще неделя проживания оставалась оплаченной. Наплевать. Не хочу туда возвращаться. Хочу, чтоб с концами.

Нилсон доверху наполнил обе чашки.

— Послушай меня, Джим. Мне следует обрисовать тебе всю картину, чтобы ты уяснил себе, каково это — быть членом партии. Тебе дают право голосовать за каждое решение, но после того, как голосование проведено и решение принято, ты обязан ему подчиниться. Когда у нас есть деньги, мы нашим уполномоченным на местах по двадцать долларов выдаем на пропитание. Только не припомню, чтобы были у нас когда-нибудь деньги. Прибыв на место, ты будешь работать там наравне с местными, а партийная работа — это уж после рабочего дня. На круг выходит по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки. И кормиться сам, чем сможешь. Выдюжишь, как тебе кажется?

— Выдюжу.

Легкими касаниями пальцев Нилсон пробежал по столу.

— Даже те, ради кого ты стараешься, в большинстве своем станут тебя ненавидеть. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— Так почему же тогда ты хочешь вступить в партию?

Трудный этот вопрос вызвал у Джима замешательство. Серые глаза его прищурились. Подумав, он сказал:

— В тюрьме сидели несколько партийцев. Они беседовали со мной. В моей жизни все всегда было так запутанно, такая сумятица... А в их жизни никакой сумятицы не было. Они работали, двигаясь к какой-то цели. Я тоже хочу работать, двигаясь к цели. Во мне словно умерло что-то. И я подумал, что так может получиться вновь ожить.

Нилсон кивнул:

— Понимаю. Ты чертовски прав. Понимаю. Сколько лет ты в школе проучился?